

Въ праснышскомъ районѣ.

I.

Когда переѣзжаешь изъ города въ городъ на лошадахъ и особенно когда проходишь путь ильскомъ, «съ дорожнымъ посохомъ въ руку»,—вся мѣстность кругомъ становится знакомой и близкой. Запоминаешь отдѣльныя группы деревьевъ, подъ которыми отдыхалъ, овраги, которые приходилось преодолевать, каждую деревню на пути и всѣ картины далей, мѣнявшіяся медленно и постепенно. Советъ другое, когда вѣшался на автомобиль, который какъ бы бросаетъ назадъ, черезъ голову, верету за веретомъ. Всѣ окрестности сливаются въ одно безцвѣтное пятно,—поля, лѣса, рѣчные долины, отдѣльные дома и цѣлыя селенія,—и кажется, что всегда и всюду, во всѣхъ направленияхъ, ѣдешь по одной и той же дорогѣ.

Все же мнѣ живо припомнился край, въ который я вернулся пять мѣсяцевъ спустя послѣ перваго посѣщенія,—и прежде всего потому, что это—одна изъ немногихъ областей сѣверной Польши, пощаженныхъ войной. Я былъ здѣсь въ началѣ военныхъ дѣйствій, въ сентябрѣ, при первомъ наступленіи нѣмцевъ съ сѣвера, и почти ничего не измѣнилось съ того времени. Передо мной были тѣ же дали, только изъ ярко-зеленыхъ ста ли и мучно сѣрыми, тѣ же маленькіе городки, въ которыхъ не было ни одного дома, сожженного или разрушеннаго снарядами, тѣ же мосты и повороты шоссе. Я узнавалъ знакомыя вывѣски кафе, въ которыхъ оставались во время сентябрьской поѣздки, красивыя очертанія недостроеннаго собора съ готическими балконами, который такъ и остался недостроеннымъ, ищущий мостъ черезъ рѣчку, сохранившійся нетронутымъ... Все кругомъ было то же, что и пять мѣсяцевъ назадъ.

Но огромная разница чувствовалась въ настроеніи населенія. Тогда, въ сентябрѣ, война была еще чѣмъ-то новымъ, неизвѣстнымъ, страшнымъ. Тогда ей ближайшее наводило ужасъ. Передъ глазами всѣхъ стояли окровавленные призраки Млавы, Ченстохова, далекой, раздаленной Бельгии. Нѣмцы представлялись свирѣпыми хищниками, одно имя которыхъ вызывало трепетъ. Тогда

мѣстные жители, едва распослалась вѣсть, что германскія войска недалеко, слышали бѣжать въ настоящемъ «паническомъ» страхѣ. Мнѣ припомнилось то самое шоссе, по которому мы теперь проѣзжали, запряженнымъ бѣженцами: ѣхали фуры и телѣги, переполненные, набитыя людьми и имуществомъ; веронцами шли пѣшеходы, унося въ котомкахъ за плечами свое скудное достояніе; въ лѣсахъ располагались таборами крестьяне, надѣявшіеся укрыться въ чащѣ отъ зоркости нѣмцевъ.

Ничего такого не было теперь передъ нами, хотя движеніе нѣмцевъ на этотъ разъ гораздо серьезнѣе и предпринято съ гораздо большими силами. Не-то, чтобы населеніе стало меньше бояться нѣмцевъ, но оно стало хладнокровнѣе относиться къ военнымъ дѣйствіямъ и до извѣстной степени разбираться въ соотношеніяхъ силъ. Шесть мѣсяцевъ войны научили многую и заставили всѣхъ практически пройти элементарный курсъ военныхъ наукъ. Въ началѣ войны въ душахъ мѣстныхъ жителей со слѣпой вѣрой въ русскую силу боролся столь же слѣпой страхъ передъ врагомъ; теперь же всѣ со спокойной увѣренностью выжидаютъ хода событій. И жизнь въ «угрожаемыхъ» мѣстностяхъ течетъ теперь почти такъ же, какъ въ мирные годы, хотя на каждомъ шагу встрѣчаются сѣрыя солдатскія шинели и вѣтеръ порой доноситъ издаലെа гулъ пальбы...

Можетъ-быть, это спокойствіе мѣстныхъ жителей объясняется тѣмъ, что они невольно каждый день наблюдаютъ, насколько наша армія готова встрѣтить непрощенныхъ гостей.

Можетъ-быть, это спокойствіе мѣстныхъ жителей объясняется тѣмъ, что они невольно каждый день наблюдаютъ, насколько наша армія готова встрѣтить непрощенныхъ гостей.

Промелькнулъ огромный желѣзный мостъ; мы въѣхали въ П***, довольно большой городокъ, расположенный на высокихъ склонахъ правого берега. Въ сентябрѣ П*** казался вымершимъ. На улицахъ и на базарной площади тогда тоскиливо толпились только кучки евреевъ; ни одного экипажа не было видно нигдѣ; окна

кафе и ресторановъ были забиты досками,—наивная предосторожность! Когда я зашелъ въ мелочную торговлю, едва ли не единственную, которая была открыта во всемъ городѣ, купить тросточку, на меня посмотрѣли какъ на безумнаго. А въ отелѣ, куда мы вошли «чернымъ ходомъ», мы лишь съ большимъ трудомъ выпросили себѣ чайникъ кипятку, который намъ дали скорѣе изъ любезности или изъ милости, чѣмъ ради платы, а пить чай намъ пришлось на биллиардѣ, такъ какъ вся мебель была припрятана.

Теперь насъ окружила въ городѣ привычная повседневная жизнь. Люди шли по своимъ дѣламъ, толпились на крыльцѣ почтовой конторы, заходили въ магазинъ, сидѣли въ кофейняхъ. Въ томъ самомъ отелѣ, гдѣ въ сентябрѣ намъ отказывали въ кипяткѣ, мы нашли теперь буфетъ съ закусками, накрытые столики, всю обстановку ресторана. Дѣвушка-служанка привычнымъ голосомъ стала перечислять намъ сегодняшнее меню: «шницель, бифштексъ, свиные котлеты, зайцъ»... А въ соседней комнатѣ весело стучали биллиардные шары.

Можно было подумать, что генералъ Гинденбургъ и не замышлялъ своего обходнаго движенія на Варшаву съ сѣверо-востока,—движеніе, которое въ случаѣ удачи должно непременно захватить и П***! А между тѣмъ въ сентябрѣ нѣмцы далеко не были такъ близко отъ П***, какъ теперь, въ февралѣ, и въ концѣ-концовъ все ихъ сентябрьское наступленіе съ сѣвера было только большой демонстраціей. Да, ко всему могутъ привыкнуть люди,—даже къ «состоянію войны»!

II.

Послѣ недолгаго отдыха въ П*** мы продолжали нашъ путь. Близость района боевыхъ дѣйствій становилась ощутительнѣе. Автомобиль принужденъ былъ заворачивать между повозками и телѣгами безконечныхъ обозовъ.

И что за шинельники у нихъ: вѣтромъ стегана... Захочу, и я фуфайку куплю. Да мнѣ не надо: и въ казенномъ тепло.

Мы спросили, въ какомъ бою были взяты эти пѣшцы. — Безъ бою,—самодовольно отвѣтилъ унтеръ.—Окружили мы деревню, она и побросала оружіе. Берите, молъ, насъ живыми. Не дождавшеся выхода партіи, мы попытались ѣхать дальше За М* уже начинался боевой районъ. Деревья вдоль шоссе были срублены, чтобы не мѣшать обстрѣлу. Въ окопахъ солдаты разсыпаны цѣпью. На удобныхъ позиціяхъ расположены батареи, вполнѣ го-

товья къ бою. Уже отчетливо слышались впереди залпы орудій и трескъ разрывающихся гранателей, и съ каждой новой веретой гулъ пальбы возрасталъ...

Цѣлью нашей поѣздки было имѣніе О., принадлежавшее помѣщику Ж., съ которымъ я познакомился во время своего пребыванія въ этой мѣстности въ сентябрѣ. Зная любезность и чисто «польское» гостеприимство Ж., мы надѣялись встрѣтить въ его усадьбѣ дружественный приемъ, переночевать въ ней и ближе ознакомиться съ событіями, развивающимися вокругъ. Въ Варшавѣ я слышалъ, что нѣмцы при одномъ изъ своихъ вторичныхъ въ Плодскую губернію заходовъ О. и многое въ имѣніи разрушили, но что потомъ владѣлецъ вернулся въ усадьбу и занялся приведеніемъ ея въ порядокъ.

Однако на этотъ разъ намъ не суждено было повидаться съ гостеприимными хозяевами О. Едва мы миновали небольшую деревушку Д., отстоящую всего на 7—8 верстъ отъ конечной цѣли нашего путешествія, какъ командиръ небольшого отряда, составлявшаго, по видимому, сторожевой постъ, самъ вышелъ на шоссе и сдѣлалъ намъ знакъ остановиться.

— Развѣ же это солдаты!—говорилъ стоявшій около меня «унтеръ» своему сосѣду.—Нашъ одинъ тронъ такихъ уберечь. Вотъ, гляди, на конѣ сидятъ, вотъ это—солдаты!

— Такъ опъ на конѣ!—возражалъ товарищъ.—Сидитъ. А эти, небось, пѣшцы, устали.

— Ну, вотъ, возьми: пѣшотиненъ,—упорствовалъ унтеръ, указывая на рослаго солдата,—въ плечахъ—косая сажень. У нихъ ни одного такого нѣтъ.

Помолчавъ, унтеръ продолжалъ: — И что за шинельники у нихъ: вѣтромъ стегана... Захочу, и я фуфайку куплю. Да мнѣ не надо: и въ казенномъ тепло.

Мы спросили, въ какомъ бою были взяты эти пѣшцы.

— Безъ бою,—самодовольно отвѣтилъ унтеръ.—Окружили мы деревню, она и побросала оружіе. Берите, молъ, насъ живыми.

Не дождавшеся выхода партіи, мы попытались ѣхать дальше За М* уже начинался боевой районъ. Деревья вдоль шоссе были срублены, чтобы не мѣшать обстрѣлу. Въ окопахъ солдаты разсыпаны цѣпью. На удобныхъ позиціяхъ расположены батареи, вполнѣ го-

товья къ бою. Уже отчетливо слышались впереди залпы орудій и трескъ разрывающихся гранателей, и съ каждой новой веретой гулъ пальбы возрасталъ...

Цѣлью нашей поѣздки было имѣніе О., принадлежавшее помѣщику Ж., съ которымъ я познакомился во время своего пребыванія въ этой мѣстности въ сентябрѣ. Зная любезность и чисто «польское» гостеприимство Ж., мы надѣялись встрѣтить въ его усадьбѣ дружественный приемъ, переночевать въ ней и ближе ознакомиться съ событіями, развивающимися вокругъ. Въ Варшавѣ я слышалъ, что нѣмцы при одномъ изъ своихъ вторичныхъ въ Плодскую губернію заходовъ О. и многое въ имѣніи разрушили, но что потомъ владѣлецъ вернулся въ усадьбу и занялся приведеніемъ ея въ порядокъ.

Однако на этотъ разъ намъ не суждено было повидаться съ гостеприимными хозяевами О. Едва мы миновали небольшую деревушку Д., отстоящую всего на 7—8 верстъ отъ конечной цѣли нашего путешествія, какъ командиръ небольшого отряда, составлявшаго, по видимому, сторожевой постъ, самъ вышелъ на шоссе и сдѣлалъ намъ знакъ остановиться.

— Развѣ же это солдаты!—говорилъ стоявшій около меня «унтеръ» своему сосѣду.—Нашъ одинъ тронъ такихъ уберечь. Вотъ, гляди, на конѣ сидятъ, вотъ это—солдаты!

— Такъ опъ на конѣ!—возражалъ товарищъ.—Сидитъ. А эти, небось, пѣшцы, устали.

— Ну, вотъ, возьми: пѣшотиненъ,—упорствовалъ унтеръ, указывая на рослаго солдата,—въ плечахъ—косая сажень. У нихъ ни одного такого нѣтъ.

Помолчавъ, унтеръ продолжалъ: — И что за шинельники у нихъ: вѣтромъ стегана... Захочу, и я фуфайку куплю. Да мнѣ не надо: и въ казенномъ тепло.

Мы спросили, въ какомъ бою были взяты эти пѣшцы.

— Тиме-тиме, братцы, свалите меня съ ногъ!

Но трудно было сдержать это стремленіе напирившихъ со всѣхъ сторонъ людей. «Изголодавшіеся» безъ табаку солдаты вырывали у меня изъ рукъ коробки и пачки. Наконецъ, послышался окрикъ офицера:

— Да, осторожнѣе вы, ребята! Не видите развѣ: васъ замѣтили и по васъ палатъ.

Дѣйствительно, отступая подъ напоромъ толпы, я невольно вышелъ на открытое мѣсто, и граната съ трескомъ разорвалась шагахъ въ 200 отъ насъ.

— Я попрошу васъ, господа, зайти за уголъ,—предложилъ офицеръ.

Мы завернули за уголъ крайней избы, и тамъ я закончилъ раздачу, жалѣя, что взялъ съ собой недостаточно большой запасъ: столько еще осталось обдѣленныхъ! А залпы между тѣмъ все учащались, и взрывъ за взрывомъ слѣдовалъ на полѣ, подъ самой деревней. Надо было «уходить», а то нѣмцы могли насъ «нащупать».

Попытались мы разспросить офицера объ общемъ ходѣ дѣлъ, но что можно знать, находясь на передовой позиціи! Ничего, кромѣ того, что совершается передъ глазами. Любой читатель газетъ въ Москвѣ болѣе освѣдомленъ, чѣмъ офицеръ въ окопахъ.

Мы могли только узнать, что Праснышъ взятъ нѣмцами. О блестящихъ дѣлахъ въ этомъ районѣ и въ этотъ самый день отдѣльныхъ частей нашей арміи, а также о подвигахъ нашихъ блиндированныхъ автомобилей мы услышали лишь по возвращеніи въ Варшаву. И лишь черезъ день изъ донесенія штаба Верховнаго Главнокомандующаго узнали, что Праснышъ, долго побывавшій въ рукахъ германцевъ, былъ затѣмъ взятъ нами обратно. Тамъ, на позиціяхъ, намъ оставалось только догадываться, по большому числу пѣшчныхъ и по нѣкоторымъ другимъ признакамъ, что, несмотря на запятіе Прасныша нѣмцами, перевѣсъ въ бою на нашей сторонѣ.

Попрошавшись съ офицеромъ, мы вернули автомобиль, который и помчался обратно по дорогѣ къ М. съ той же стремительностью, какъ лошадь, почувствовавшая, что возвращается въ конюшню: шофферъ былъ, вѣроятно, очень доволенъ, что мы не настаивали на продолженіи пути.

III.

Опять замелькали мимо насъ тѣ же мѣста, которые мы только что миновали. У окна, въ которомъ солдаты были разсыпаны цѣпью, они еще стояли во весь ростъ, собираясь «залечь» по первому знаку. Вечернее, опускаясь солдаты стояло прямо надъ ихъ головами, и лучи его, проходя сквозь облака, образовывали надъ ними роль ореола. То было справедливое вѣнчаніе героевъ, вновь готовыхъ на подвигъ.

Слѣва отъ насъ, гдѣ разстилалась долина небольшой рѣчки, было видно, какъ маршировала колонна, постепенно исчезая въ отдаленномъ лѣсу. Это вслѣдъ «обходное движеніе». Колонна должна была зайти во флангъ лѣваго крыла нѣмецкихъ силъ. Судя по разсказамъ, которые потомъ пришлось слышать, движеніе это удалось блестяще.

Сзади пальба не только не прекращалась, но все возрастала. Вскорѣ начали отбѣгать и наши орудія. Обернувшись, мы могли видѣть бѣлые огоньки, вспыхивавшіе за деревьями и строениями, которые отдѣляли насъ отъ передовыхъ позицій. Съ наступленіемъ темноты здѣсь долженъ былъ разгорѣться исполненскій фейерверкъ.

Въ М. пѣшцы нѣмцы еще стояли на площади, и толпа, не уставая, продолжала разглядывать ихъ. Нѣсколько дальше, у деревни С., намъ пришлось присутствовать при раздачѣ другой партіи пѣшчныхъ лѣва. Нѣмцы порывисто кидались къ повозкѣ, откуда выдавали имъ по «французской булѣ», толкая другъ друга, вырывая желанную подачку, и немощнымъ конвойнымъ стояло большого труда возстановить порядокъ. Того герцога, пренебрежительнаго вида, съ какимъ держали себя пѣшцы пруссаки, въ первые мѣсяцы войны (солдаты регулярныхъ войскъ), совсѣмъ не было у этихъ суетливыхъ, заискивающихъ ландштурмистовъ.

Въ П*** мы опять пили чай. Потомъ зажгли фонари у автомобиля и покатили по ровному, опустѣвшему шоссе къ Варшавѣ. Вой остался далеко позади, и чувствовалось, что не такъ просто будетъ нѣмцамъ пройти это огромное разстояніе отъ ихъ позицій до столицы Польши.

Валерій Брюсовъ.

Варшава, 15-го февраля.